

ЮРИЙ КУРИК

Кладбище желаний

Юрий Курик
Кладбище желаний

«Издательские решения»

2015

Курик Ю. Я.

Кладбище желаний / Ю. Я. Курик — «Издательские решения»,
2015

Кто интересуется судьбою маленьких людей в огромной стране? Не ломайте себе головы и не выдавайте желаемое за действительное. Маленькие люди интересны лишь налоговым органам и ритуальным конторам. При этом их жизнь полна подлинных страстей и неуёмных желаний...

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Кладбище желаний
Криминальная история
маленьких людей большой страны
Юрий Курик

© Юрий Курик, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава первая

Скажите, пожалуйста, кем должен быть бедный еврей, мечтающий без приключений на свой зад дожить до старости?

Не знаете?!

Так я вам скажу – такой еврей должен быть портным, не иначе. Других хлебом не корми – дай учинить потрясение или революцию, или, на худой конец – драку. Соломончик не такой. Для революций и потрясений он слишком беден, имеет страх, совесть, ходит в синагогу, чит субботу и начальников. Особенно на людях. Для драки, даже вялотекущей, он слаб здоровьем. У него хватает ума и смелости в одиночестве тихо брюзжать на кухне на цены в магазинах и тарифы ЖКХ:

– Они для чужого счастья растут быстрее, чем я деньги зарабатываю.

Соломончик не против ценовых скачек. Он понимает – людям тоже жить хочется, и у них дети.

Недовольства Соломончика не угрожали благополучию чиновников ни страны, ни отдельно взятого микрорайона. Даже старший по подъезду старого крупнопанельного дома, где проживал Соломончик, не ведал о тихом ропоте бедного еврея.

Соломончик понимал начальников. Они все сидят, где-то там наверху и смотрят на нас вниз. Им с высоты не видны вертикальные подьёмы цен, а их зарплаты к таким скачкам, вообще, не чувствительны. Посмотреть же сбоку на ниже протекающую жизнь, у чиновников либо шея не поворачивается, либо времени нет. Оно всё без остатка уходит на кование благоденствия для всей страны. Материальное благополучие они обещают каждому, и начинают его решительно улучшать, начиная с себя любимых.

Не в деньгах счастье, когда они есть. Вопрос в другом: Сколько их нужно для полного счастья?

Не знаете?!

Так я вам скажу. Соломончику и его соседям, на пути в светлый шоколадный капитализм, хватило бы суммы на выплаты государству, плюс продовольственная корзина, плюс проездной билет на общественный транспорт. За других сказать не могу. Некоторым начальникам и миллиардов не хватает. Причём в инвалюте.

Соломончик не такой. Жадности у него сроду не было. Умом он понимал – страна большая, народу много. Всего на всех вечно не хватает. Делители всего на всех себя не обделяют, но это частности. Так сказать, издержки производства дележа всего на всех. Главное, чтобы не было войны. Делители на войну не пойдут. Воевать и гибнуть будем мы, для которых делители стараются всю жизнь. Нас будет меньше, и выпадет делителям снова счастье. Им достанется больше. Поэтому, главное, чтобы не было войны.

Отец Соломончика, дед его и прадед с малолетства до глубокой старости были портными, и кормились с кончика иглы.

Тётя Сара, вечная ей память, таки оказалась права. Она говорила племяннику:

– Соломончик, посмотри вокруг природу. Где ты видишь голых людей? В неглиже прилично гулять только в бане и при исполнении супружеских обязанностей. Слава Богу, голышом никто не шастает, не смущает своим видом незамужних дам, детей, членов партии, священнослужителей, и не делает конфуза честным людям! Ты знаешь, почему нет конфуза? Заруби

себе на носу – пока евреи обшивают голых граждан, конфуза не случится! Причём, Соломончик, учти, одежда у человека выходит из моды быстрее, чем изнашивается, а красоты тела требуют постоянной их демонстрации на публике. У нас не принято ходить в театр голышом. В этом случае, требуется наряд для показа отдельных частей тела и своего благополучия. Шей, Соломончик, шей! Палат каменных не заработаешь, Но и с голода не сдохнешь.

Тётя Сара, вечная ей память, оказалась права. В особенности по поводу каменных палат. Советы тёти с наказаниями отца ремнём Соломончик воспринял телом и душой. Он научился шить, и шил без малого пять десятков лет. Из под лапки его зингеровской машинки выходили офицерские френчи, красноармейские шинели, солдатские галифе, панталоны для куртизанок и телогрейки для зеков. Всего и не вспомнить, что пошито трудами Соломончика.

Сначала он шил, помогая отцу содержать семейный когал. Потом шил, чтобы жениться. Потом, чтобы содержать жену, ребёнка и больную сестру. Потом шил, чтобы рассчитаться с долгами за похороны сестры, жены и маленького ребёнка. Потом, чтобы второй раз жениться и купить жилплощадь. Женитьба с жилплощадью получились плохонькими.

А, что вы хотели за эти деньги? Мисс мира и особняк на Кипре? Не получилось! Потому, что швейная машинка «Зингер» помнит ещё батюшку царя, и угнаться за вашими желаниями со своими возможностями не может.

Жена Лолита страшенькая, усатая, но добрая и мудрая женщина говорила мужу:

– Соломончик! Вы прострочили мне все мозги своей машинкой и сделали себе катар желудка. Не пора ли нам уезжать к тёте Циле в Иерусалим?

В Иерусалим хотелось, но не выпускали. Вроде они историческая ценность государства вместе с машинкой «Зингер». Швейную машинку решили подарить любимой стране. Жертву приняли, но их не выпустили. Когда начали выпускать на все четыре стороны, ехать оказалось уже не с кем, не с чем и не к кому. Мудрая жена Лолита с седыми усами и неизвестная тётя Циля в далёком Иерусалиме ушли в страну вечных снов.

Соломончик остался без жён и детей, в плохонькой квартирке. Страдал от одиночества и ждал встречи с родными в другом мире. Тихо начал пить горькую, и приобрёл скверную привычку подглядывать за жизнью соседей через электророзетку.

Вы не знаете, как это делается?

Я вас научу. Записывайте. В целях государственной экономной экономики или по настоянию КГБ СССР – электрические розетки в старых плохоньких квартирах делали сквозные. В одно монтажное отверстие в бетонной стене устанавливалась двойная розетка. Одна часть Ваша, другая соседей через стенку. Очень удобно, кто знает. Если разобрать свою розетку, то можно втихушку подсоединиться к электросети соседей. Если Вам совесть не позволяет воровать электроэнергию у соседей, то можно вытащить свою розетку, и через две дырочки соседской наблюдать и слушать интересные мизансцены в исполнении чужих людей. Театр он-лайн и абонемент в партере!

Серьёзный мужчина Левенгук изобрёл микроскоп и натурально офигел, когда через окуляр заглянул в мир микробов.

Соломончик не Левенгук и две маленькие дырочки в чужой электророзетке ещё не микроскоп. Но я Вам скажу, интереса меньше не стало.

Микробы живут и размножаются в тишине. Молча и стойко перенося все трудности и лишения судьбы. Никто из маститых микробиологов не слышал от них ни криков, ни стонов, ни матерных выражений. Родились тихо, прожили молча, померли без слов.

Мир, открытый Соломончиком через две дырочки электрической розетки соседа, гудел тайными страстями и искрил убойными эмоциями. Бедный портной едва не стал свидетелем многоступенчатого убийства. Не в смысле битья головой жертвы о ступеньки лестничного марша, а в плане многочисленности планируемых смертоубийств.

Но обо всём по порядку.

Путём многодневного наблюдения через электророзетку за соседней квартирой, Соломончик установил – квартира соседа однокомнатная, туалет совмещён с ванной, прихожая напоминает гроб по габаритам и мрачности. Портной отметил две странности. Первая – при дефиците жилья в стране, в квартире никто не жил. Два три раза в неделю в ней появлялся солидный мужчина на час, максимум на два часа. Обычно он, мурлыкая себе под нос незатейливый шансончик, обходил квартиру по периметру по часовой стрелке. При этом очень внимательно оглядывал стены и простецкую меблировку. Что он искал каждый раз, оставалось загадкой. Вторая странность – время от времени мужчина включал на ночь верхний свет и музыкальный канал в маленьком радиоприёмнике.

Эту загадку Соломончик разгадал на счёт «раз». Сосед создавал эффект присутствия в квартире людей в ночное время. Для кого? Зачем?

Не успел Соломончик ответить на эти вопросы. Однажды за стенкой что-то глухо заухало и дробно застучало. Он кинулся к заветной розетке. Увиденная картина его сначала поразила и потом озадачила. Прямо перед розеткой два дюжих молодца разбойного вида перфоратором и маленькой кувалдой разносили в прах дверь в квартире соседа.

«Грабёж среди бела дня», – подумал Соломончик. И уже хотел вызывать героических полицейских. Но вовремя спохватился. «Во-первых – почему грабители штурмуют дверь изнутри квартиры? Во-вторых – в этой нищенской квартире абсолютно нечего воровать!»

Повторный осмотр места происшествия успокоил Соломончика в отношении взломщиков. Сосед, видимо, решил поменять китайскую железную дверь бумажной прочности на, что-то более надёжное. Или просто утерял ключи от входной двери, и вместе с замком менял и дверь.

Новая дверь поражала воображение! Это было инженерное сооружение из листовой стали, толщиной не менее 15—20см. со сложной системой выдвижных запорных штырей в 3 см в диаметре. Соломончик насчитал их по четыре с каждой стороны двери. «Господи!» – подумал бедный портной. – «Что за бриллианты собирается хранить сосед за могучей дверью?»

Бриллиантов не случилось. Как впрочем, и золота тоже. После установки сейфовой двери сосед не изменил свои привычки. Изредка продолжал посещать квартиру. Так же, напевая весёлый шансончик, обходил её по периметру. Изредка открывал огромные створки старинного платяного шкафа, и на короткое время исчезал за ними из поля зрения Соломончика.

Что он мог делать в шкафу?

Не справлялся же о здоровье у спрятанного там трупа. Скорей всего, сосед, опасаясь воров, пересчитывал побитые молью мешанские салоны прабабушки, свои вьетнамские трусы и китайские кальсоны. Нищета обстановки квартиры громко вопила – у её хозяина элитных мехов и прикидов от Версаче не было и нет. Но возникал вопрос: «А зачем тогда сосед установил мощную входную дверь? Что в этой убогой квартире представляет ценность?»

Соломончик старый человек. Он жил при МГБ, НКВД, КГБ и ФСБ. Он много умеет, много знает и ещё о большем догадывается. Внутренний голос ему твердил: «Соломончик, чем дальше от силовых друзей народа, тем целее кошелёк и нервы!»

Странно, но деньги ценнее, когда их нет, остатки нервов, вообще, на вес золота. По этой причине Соломончик решил не беспокоить героических полицейских соседскими странностями, но тайна однокомнатной квартиры не давала покоя бедному любопытному еврею. Ему ужасно хотелось заглянуть под завесу тайны соседа. Не из за желания разоблачить врага народа, а по причине старческого любопытства. Учёными давно установлено, что дедушки, и бабушки всех национальностей больше всего на свете любят совать свои носы не в чужие дела.

Любопытство подтолкнуло Соломончика поближе познакомиться с фигурой странного соседа. Для этого он не побежал к нему с бутылкой водки, в надежде, что спьяну сосед выдаст ему все секреты жизни. Соломончик старый человек. Жизнь учил не по конспектам лекций. Цена алкогольных откровений ему знакома не понаслышке. К тому же у него болела печень, и было жаль тратить на бутылку.

Бедный любопытный портной пошёл путём эконом-класса.

Соломончик, чтобы не выделяться из остальной старческой массы, снял с головы кипу, сбрил пейсы. И принялся за визуальное слежение за подозрительным соседом.

У портного со стажем знакомых, как у врача, а может быть ещё больше. Одним клиентам брючата стачал, другим костюмчики по-шил, третьим пальтецом угодил. Каждый из нас готов почесать язык о судьбу третьего. Если это бесплатно и ничем не грозит, то с удовольствием судачим в цветах и красках.

Через три месяца слезки, и после душевных бесед с причастными к соседу людьми, Соломончик на удивление много узнал, и искренне не понимал: почему он, старик знает, а полиция нет? Второй вариант – она знает, но молчит, как карась в пироге. Почему?

Выяснилось, сосед имеет должность. Если есть должность, значит, есть всё остальное. Иначе, как же его в ведомость по зарплате записывать? Звался сосед Тарасом Григорьевичем Задунайским. Оказался он маленьким человеком. Не по росту, а по существу. Можно сказать, тьфу, а не человек! Видимость одна. Глянешь поначалу на него и много чего хорошего подумать о нём можно. Солидный, высокий, сытое пузцо над брючным ремнём. На голове благоприобретённая лысина в ореоле седых волос. Расплющенная многолетним сидением о служебное кресло задница, внушала тайные надежды просителям на положительный исход челобитных.

Соломончик, конечно, мудрый человек и хороший портной, но не дано ему познать хитросплетения человеческой души клерка средней руки. Тарас Григорьевич был отчаянным человеком. Он страстно желал обладать миллиардами. Лучше долларов. На крайний случай можно удовлетвориться рублями. Подошли бы и тугрики, но, чтоб их было много. При этом Задунайский, по причине занимаемой должности, и, главное, из за отчаянной трусости характера, не мог осуществить свою заветную мечту. Ему больше хотелось, чем могло быть. Он панически боялся тюрьмы. При разговорах коллег, мол, слышали, у губернатора N-ой области при обыске валюты на миллиард изъяли, А у чиновницы «Х» драгоценностей при аресте четыре пуда описали – у Тараса Григорьевича отнимались от ужаса ноги. Начинили дробно стучать зубы и он, от страха, тихо, но ощутимо, портил воздух. Коллеги подозрительно смотрели друг на друга, и быстро расходились по своим кабинетам. От конфузии, Задунайский страшно страдал, но мечты разбогатеть не оставлял.

Задунайский чиновничья крыса. Одним словом клерк. Мелкий чиновник, но с личным кабинетом. И не важно, что кабинет рядом с сортиром. Важно то, что Тарас Григорьевич по долгу службы первым узнавал решение начальника.

Что проку в этом? Ну, не скажите...

Мы поделены на две части: те, кто правит и те, кем правят. Последних больше и живут они хуже первых. Потому, что первых меньше и достаётся им больше.

Не понятно? Запишите для памяти.

Первые – рулевые. Это те, кто рулит нами.

Вторые – это мы. Те, кто пытаются выжить, на то, что остаётся от прокорма рулевых. Причем размер кормовых устанавливают сами рулевые.

Нас они, как хотят, а мы их только матом.

Трудно иметь своё мнение, когда имеют тебя, а ты с уздой в зубах и хомутом на шее.

Вот такая Камасутра.

Посмотреть в глаза рулевым не дают оглобли и вожжи. А так хочется! Посмотреть внимательно и спросить тихо:

– Ну, «чё»? Опять не туда приехали?

Интересно получается. Воз тащили мы, а едут они. Причём, каждый раз не туда, куда обещали. Ржём не мы. Ржут над нами.

Соломончик в чиновничьих игрищах сроду участия не принимал, и мало в них понимал, но в гешефте главы семейства Тараса Григорьевича Задунайского со временем разобрался, и подивился его простоте и эффективности.

Зачем нужен начальник?

Самые хитрые знают – начальник необходим для контроля над подчинёнными, чтобы те не воровали больше самого начальника.

Самые умные уверены – начальник нужен для наложения на челобитную резолюции.

Какие варианты решений у начальника могут быть?

Не мучайте свои просвещённые мозги простецкими вопросами. Вариантов два: либо «Отказать!», либо «Разрешить!».

Задунайский, принимая челобитную от просителя, играл на своём лице театр Станиславского, мол, так хочется вам помочь, просто мочи нет!

Проситель не выдерживал напора добрых чувств Тараса Григорьевича, и начинал предлагать взятку.

– Как вы можете?! – вскрикивал возмущённо в этом месте Задунайский. – Мне взятку? Вы оскорбляете честь мундира российского чиновника! Я рад вам помочь из добрых побуждений... Благодарить? После решения вашего вопроса..., так сказать..., в смысле вашего «спасибо»..., за наше старание..., как акт благотворительности без ущерба вашему самолюбию и благосостоянию...

Челобитная уходила своим путём, и, в случае положительного решения вопроса Тарас Григорьевич первым об этом узнавал и спешил обрадовать просителя. Мол, так и так, в меру своих сил порадел за вас перед начальником. Тот на радостях золотил ручку Задунайскому.

Гешефт прост и надёжен до гениальности. За каждое положительное решение шефа, непричастный к этому Задунайский получал от благородного ходатая «барашка в бумажке». Не важно, что благодарность от просителя мала до мизерности по сравнению с взятками чиновничьих бонз. Важно другое. За миллионную долларовую взятку можно тесно познакомиться с режимом «Матросской тишины», а вот размер «благодарности» Задунайскому даже разговора присяжных людей не заслуживает. А зря. Курочка по зёрнышку клюёт. Началь-

ники у Тараса Григорьевича менялись, как перчатки. Одни уходили сами, но таких, раз-два и обчёлся. В основном их снимали по утрате доверия, и чаще увозили в кандалах мрачные люди в чёрном для душевных частных разговоров под протокол.

Большой круговорот начальников Задунайского не касался. Любой из них делал свою работу – накладывал на бумагу свою визу: «отказать», либо «разрешить». Тарас Григорьевич с каждого «разрешить» имел свой маленький гешефт, но в семью его не нёс. Жене денег не отдавал, а любовницу ему заменяли одноразовые девушки по вызову. Быстро, надёжно и дешевле. Не нужно трепать нервы и кошелёк о прихоти и капризы «дамы сердца». Сегодня она желает «это», завтра «то». А через неделю «это» и «то», но в Париже. При этом у неё болит голова и ей срочно нужны бриллиантовые капли для наружного применения. Девушка по вызову за три рубля молча, без претензий и капризов, ровно на три рубля и в точно установленное время, докажет вам, что Камасутра учебное пособие для физкультуры в младших классах.

Жену свою Ольгу Задунайский ненавидел всеми фибрами души. Знал он её со школьной скамьи. На толстую, кривоногую девчонку не смотрел даже последний двоечник и второгодник Пашка Вырвиглаз. Тарас красавцем и отличником тоже не числился, но вот друзьями обзавестись у него не получалось. Он винил в этом свою фамилию, и страшно завидовал Троеурову. Не потому, что он был из дворянского сословия, и не его состоянию. Тарас завидовал его фамилии. Впрочем, и «Троегубовы», или, к примеру «Троеруковы», тоже отзывались в его душе малиновым звоном. Его же собственная фамилия оказалась актом вандализма над его судьбой со школьной скамьи. Тарас носил законную фамилию своих родителей – Троезадов.

Можете выпустить на волю свою фантазию, и придумать кучу эпитетов и «кликух», производных от фамилии «Троезадов». Вы не выдумаете и десятой доли обидных прозвищ, рождённых коллективным детским умом. С такой фамилией, будь ты трижды Ломоносовым, человек должен пробираться по дороге жизни, где-то по её обочине, вне всевидящего ока общественности.

Ольга за школьные годы тоже не сумела обрести подруг. Могла, но решительно не желала быть фоном для более симпатичных одноклассниц. Ей воспитание не позволяло подвизаться на вторых ролях.

Папаша Оли, моложавый, карьерный рысак, стремительно рвался к креслу градоначальника. Мамашка Оли с головой ушла в дебри освоения будущей роли «первой дамы Города», и воспитывала единственную дочь, как великосветскую девушку и «первую невесту Города». Знание французского и английского языков, умение играть на скрипке, на слух различать Эйнштейна от Эйзенштейна, и не путать их обоих с Эпштейном, к сожалению не делали Олечку желанной для мальчишек школы №74. А порулить кем-нибудь, по примеру папашки, Ольге очень хотелось.

В старших классах в поле её зрения случайно попал Тарас Троезадов. Он не думал, не гадал, что кто-то, тем более девочка, возжелает дружеских отношений с ним. Не важно, что на положении вассала, раба. Главное, он оказался нужным, кто-то выделил его из мальчишеской массы. Тарас оказался идеальным рабом. Он из трусов выпрыгивал в стремлении услужить Олечке. Покойная мамочка Тараса всецело поддерживала увлечение сына, и в тайниках души лелеяла надежду, что со временем Тарас, в лице Олечки, найдёт хорошую жену с замечательным тестем. Мамочка Оли желала для дочери любого мужчину, даже самого последнего из списка Форбса.

Когда нет денег, женятся по любви. Когда деньги есть, то по расчёту – не потерять свои и ухватить чужие.

При ближайшем рассмотрении внешность Ольги перевешивала чиновничьи возможности отца. Кандидаты в мужа, набитые баксами, как селёдка икрой, молча исчезали в море бизнеса, забыв на прощание помахать хвостом. Рядом оставался только верный раб Тарас. Без денег, но с желанием угождать Олечке во всём и всегда. «На безрыбье и килька балык!» – решили родители Ольги, и дали зелёный свет брачным отношениям дочери с Тарасом.

Из зятя отец Ольги, методом вскармливания усиленного денежного рациона причастным лицам, желал вырастить породистого чиновника. Не просто конторского служащего, а чиновника на должности и возможностью решать вопросы.

Вы должны с начальной школы запомнить истину – любое решение имеет свою цену от 1 до 5. В продвинутых гимназиях от 1 до 10. Со временем баллы превращаются в тысячи, десятки, сотни тысяч рублей с плавным переходом в баксы.

Для получения правильного ответа, вам скажет любой математик, необходимо выполнить условия задачи, если на одной стороне убывает, значит, на другой прибывает. «Минус» неизбежно приобретает статус «Плюса». Важно во время оказаться на нужной стороне.

Тарас Троезадов воспрял духом, и в душе лелеял мечту отомстить жуткой мстостью всем своим обидчикам по жизни. Вопрос некрасивости жены Олечки его мало тревожил. Во-первых: за годы услужения ей, как говорят художники, у Тараса «замылится глаз». Он не видел очевидное. Во-вторых: глаза в глаза – лица не увидеть. Фигуру и другие подробности, тем более. Не верите? Тогда попробуйте с расстояния в 1 см рассматривать красоту «Моны Лизы», или отличить задницу от груди Мадонны. В-третьих: Тарас женился на Олечке исключительно для собственных целей, а не для удовольствия посторонних лиц. Он имел все основания подозревать, что его тесть – единственный счастливый случай для пропуска в жизнь больших людей с огромными возможностями.

И. главное – в темноте брачного ложа все кошки серы. Олечка мало, чем отличалась от мамзелек из кордебалета. При раскидывании ножек, её косолапость волшебным образом пропадала, а на ощупь она была плотна, горяча, и кое-где весьма занята. Это «кое-где», чем грызут гранит науки, в объёме имело один метр и ещё половина метра. Для Тараса это был дополнительный бонус к семейному счастью. Олечку, всё, что ниже талии, выводило из себя. Только по этой причине, при регистрации брака, она категорически отказалась брать фамилию мужа.

– Как я появлюсь в свете с фамилией «мадам Троезадова»? – возмущалась она. – Остроумцы меня сразу же окрестят «З Д жопа». Тебе нужна такая жена?

Честно говоря, Тарасу она, вообще, не нужна, но без неё тесть выпадает в ранг «чужих» людей, и о его помощи можно прочно забыть. С фамилией «Троезадов» нашлась бы только вакансия сантехника в местном ЖКХ. Пришлось бы за символическую плату, со счастливым лицом, разгребать всю жизнь чужое дерьмо своими руками, и гробить свою печень об низкокачественный алкоголь.

Тарас отличником не был, но и дураком не слыл. Он с радостью обменял свободу на узы Гименея и фамилию на Задунайский.

Всё бы хорошо сложилось у Тараса с Ольгой до самой пенсии. Может быть не так хорошо, как у Лужкова с Батуриной, но всё же не так отвратно, как у всех.

Тесть, скотина, подкинул Тарасу натуральную подлянку. Не выдержало сердце карьерного скакуна, и в одночасье все надежды молодой четы Задунайских накрылись медным тазом. Умер тестюшка и уволок под могильную плиту будущее Тараса с Ольгой.

Карьерный рост Тараса Григорьевича замёрз под ударами судьбы в фазе клерка средней руки. У него сразу испортился характер, и резко улучшилось зрение. Он увидел, что контуры жены вываливаются наружу из габаритов одежды, а её фейс без макияжа вызывает сострадание у прохожих граждан. Захотелось развода и воли. Цепи Гименея порвать не удалось. Ольга, целясь Тараса в глаз скалкой, уверила мужа:

– Милый мой ублюдок! Вспомни идиота кусок, ты проживаешь в моей квартире, ездешь на моей машине, отдыхаешь на моей даче! В конце концов, ты носишь мою фамилию, и работаешь на должности, которую тебе дал мой папа! Ты желаешь стать опять Троезадовым? Ты хочешь, чтобы Светлана Петровна выхерила тебя с должности на улицу? Она не может тебе помочь в карьере, но под забор выкинет тебя с удовольствием. Стоит мне только сказать слово. Ты понял? Ты, скотиньяка, без меня не ноль без палочки – ты без меня, вообще, величина отрицательная.

Быть отрицательной величиной обидно. Особенно без жилплощади, работы и других благ цивилизации. Тарас Григорьевич не дурак, и сразу понял – его рывок на волю почил под руинами быта. Ольга, разрушение миража свободы мужа, окончила слова-ми, посеявшими к ней ненависть:

– Кретин! Я тебе была нужна, пока был жив мой отец. Ты, сволочуга, будешь жить здесь со мной до тех пор, пока я не найду тебе замену. Только потому, что приличной женщине не прилично одиночество.

Семейная лодка счастья разбилась о смерть тестя, но не затонула, а дала течь. Большой любви между Ольгой и Тарасом изначально не было. После попытки Тараса получить развод, и Ольгиной отповеди ему, отношения супругов набухали холодной ненавистью друг к друг.

Поиски нового кандидата на роль мужа у Ольги зашли в тупик. Слепоглухонемого жениха на горизонте судьбы не появлялось. Все остальные с проблесками ума в глазах и зачатками состояния, оказались оприходованы сучками, согласными всегда, на всё и везде. Оставались для домашнего пользования лишь мужские отбросы чужих брачно-семейных отношений. «Хрен редьки не слаще!», – подумала Ольга, но гнев на мужа не сменила на милость. Продолжала его тихо ненавидеть за рухнувшие мечты.

Тарас Григорьевич после гневной отповеди жены пришёл к историческому выводу – он в первую очередь должен освободиться от экономического рабства. Он свободный человек, в свободной стране, и волен поступать, как ему хочется!

Свобода без денег – медленная смерть, или дорога в страну Бомжатию. Бомжем Тарасу Григорьевичу становиться очень не хотелось. Платить реальным голодом, холодом за призрачную свободу не в стиле господина Задунайского. Через несколько месяцев мозгового штурма, Тарас Григорьевич открыл для себя систему «личного гешефта» без обязательств и юридических исследований. Пошёл процесс накопления капитала.

Будущее уже манило яркими красками пороков большого города.

Кирилл Задунайский, единственный сын Тараса и Ольги, молодой человек, подающий надежды скрипач, и начинающий подлец. Он получил базу своего воспитания на тучной ниве дедовского благополучия. Он с детского горшка поделил людей на сорта, как колбасу: высший, первый, второй, третий и колбасные обрезки. При жизни деда Кирилл себя, дедушку, маму и папу относил к высшему сорту. После смерти деда финансовое благополучие лопнуло, как мыльный пузырь. Папа оказался третьим сортом – клерком неудачником, которого ненавидела мама. Он не оправдал её девичьих надежд, а она на алтарь семьи положила свои лучшие годы, красоту и здоровье. В этом месте мама прижимала руки к сердцу, и каждый раз восклицала:

– А, что я получила взамен? Неврастению, радикулит и оболтусу сына!

Кирилл не возмущался. Он давно привык к её постоянному нытью. Его интересовал один вопрос: «Куда исчезла мамина красота? Или её, вообще, не было?»

Отношения между отцом и матерью его не волновали. Каждый из родителей внушал сыну отвращение и ненависть к другому. Общими усилиями добились впечатляющих результатов. Он не мог переносить присутствия обоих, и только необходимость кредитоваться заставляла Кирилла соблюдать правила хорошего тона. Попытки работать не имели успеха. Деньги, которые он получал за труд, были насмешкой над тем, что хотелось. Желания находились на нищем финансовом пайке и пухли от голода.

Вот такие виражи бытия, чем меньше денег, тем больше желаний.

Буйным цветом на древе жизни Кирилла отцвели цветы желаний детства при финансовой подкормке деда. На их месте, с приходом весны юношества набухли почки и яички постельных мечтаний Кирилла. Реализация сексуальных фантазий требовала денежных вливаний. Ибо, ещё учёными Древней Греции установлено – секс это перекачка банкнот из одного кошелька в карман другого. Бесплатное укрощение либидо в одиночку называется себялюбием, и приносит временное облегчение и постоянную неврастению. Как назло, дед сыграл в ящик и помощи внуку оказать не мог. Записным ононистом Кириллу становиться не хотелось.

Любовь «даром за амбаром» в районе ж. д. вокзала грозила всеми прелестями кожвендиспансера.

Мир огромный базар нужды и тщеславия. Всё в нём имеет свою цену. Любовь, даже к Богу, имеет свой тариф. В хороводе дней либо мы не тех, либо нас не те, но платить приходится в любом случае.

Кирилл страдал от любви в формате эконом-класса. На большее не хватало бабосиков. Желание подержаться за выпуклости топ модели туманило мозги, но приходилось действительно выдавать за желаемое и объяснять более богатым товарищам:

– Господа! Секс слияние двух тел в пароксизме страсти. В тесноте объятий не видны достоинства и растворяются недостатки, а результат тот же! С этим невозможно спорить. Если это так, то зачем переплачивать?!

Аргумент Кирилла слабават, но имел право на жизнь, особенно для тех, у кого в кармане вошь на аркане и проездной билет на общественный транспорт. Ездоки на «Мерсах» до того «как», и после того «как» устраивают для утех тщеславия публичную выводку пираций своих кошельков. Кирилл был прав – баба, она и в Африке баба. Только упаковка разная. Вечно мужики соблазняются тарой. Когда распробуют товар, уже поздно винить маму, что родила сына дурака. Приходится платить по счетам с разделом имущества.

Удовольствия на пять минут, а судебных процессов на три года. Самые умные ходки по военной тропе любовных отношений дважды к одной девушке не ходят. Они знают – красота

товар ско-ропортящийся, алименты – пластинка долгоиграющая, а единственный половой акт не повод для знакомства. Тем и спасаются.

Однако финансовое здоровье Кирилла подорвала не постельно-интимная акробатика. Младший Задунайский типичный выкидыш российского капитализма. Он, как и большинство молодых людей, желал иметь всё, здесь и сейчас.

У тех, чьи папики и маменьки успели захватить местечко у государственного корыта, и черпали лопатой народное добро, всё было в шоколаде.

У таких, как Кирилл, чьи родители уже не «свиньи», но и «гусьями» им стать не судьба, выбор по кованию денежных знаков небольшой.

Поддержка предков не светит. Конфликт с законом при тощем кошельке чреват гнилой баландой и рабской работой на благо родной страны. Сверив свои возможности с уголовным кодексом, Кирилл освоил специальность игрока. Профи пока не стал и на катран к приличным людям допуска пока не имел. Перебивался игрой по-маленькой в подпольных казино. Для хорошей игры катастрофически не хватало нала. Для кредита не было обеспечения. В долг уже не давали. Обзвонил всех близких знакомых, но финансовых доноров не нашёл. Пришёл черёд давних и дальних знакомцев. Первый же звонок принёс сюрприз:

– Алё, старина! Не узнаёшь? – бодро вещал Кирилл в мобильник школьному товарищу Пашке Киселёву.

– Не. Кто это?

– Угадай с трёх раз!

– Вадим?

– Какой Вадим?

– Служили вместе...

– Не угадал!

– Серёга из ментуры?

– Мимо!

– Ну, не знаю.... Наводку дайте?

– Даю. У тебя на правой полужописе родимое пятно.

– Господи! Пятно есть, но его никто не видел. Наверное, вы врач из поликлиники, или...

– Вот именно, «или».... Вспоминай, Киссель, напруги извилины...

– Задунайский!! Кирилл?! Это ты?

– Я! Как угадал?

– Только ты меня дразнил «Киссель». С двумя, а то и с тремя «с». Ты не звонил мне лет пять. Что случилось?

– Ничего. Просто вспоминаю старых товарищей.

– Пишешь мемуары?

– Вроде того. Ты сейчас, где живёшь?

– Напротив вас Улица Линейная 17 Б. Ваш дом №14 смотрит фасадом в мои окна.

– Пашка, это ты?

– Я. Ты чего переспрашиваешь?

– Фамилия твоя Киселёв?

– Да.

– Ты учился в школе №74?

– Кирилл, ты в своём уме? Конечно же учился! Классная у нас была Марья Дмитриевна с разными глазами. Правый голубой, левый – зелёный. К чему этот допрос?

– Киссель, ты трезвый? Меня ни с кем не спутал?

– Кирилл, кончай гнать дурку! В чём дело?

– В том, что мы не меняли ни квартиру, ни адреса проживания. Мы живём с отцом и матерью на проспекте Космонавтов 163 в квартире 202 уже тридцать лет.

- Серьёзно?! Ты не шутишь?
- Какие могут быть шутки, Киссель!
- Невероятное сходство! У твоего отца есть брат-близнец?
- Нет. В чём дело?
- Я был уверен, что с большим постоянством вижу твоего отца, входящим в четвёртый подъезд дома №14. Значит, обознался. Даже обиделся на тебя – живёшь через дорогу, а забежать к школьному другу времени не нашёл.
- Факт любопытный. Нужно встретиться.

Глава вторая

Встреча школьных друзей состоялась. Кирилл в компании «вискарика» и баночки шпрот объявился в квартире Пашки Киселёва через 24 часа после их телефонного разговора. Как положено в этих случаях, «поахали», обнялись, постучали от души ладонями друг друга по спинам и пошли на кухню.

По дороге воспоминаний, в пути незаметно прикончили «вискарь». Пашка выставил «Арарат» в пять звёздочек. Кирилл понял, если прямо сейчас не решит вопрос, ради которого встретился с Пашкой, то он о нём забудет в районе трёх рюмок коньяка.

– Паша, – начал Кирилл. – По телефону ты говорил, что видел моего отца.

Пашка довольно икнул и извинился:

– Сори! Это благородная отрыжка вежливо напоминает: не пора ли нам полирнуть твой «вискарик» моим «Араратом». – И принялся наполнять хрустальные рюмки коричневым маслянистым армянским нектаром.

– По поводу твоего папашки могу сообщить следующее.... Давай сначала выпьем. А за что?

– За дружбу! За мужскую дружбу!

– За неё уже пили. Два раза.

– Тогда давай выпьем за память Марии Дмитриевны?

– Паша, у тебя склероз среднего возраста. Ты забыл? Она была нашей классной училкой!

– Ах, за эту Марью Дмитриевну..., за неё пить не буду. Рад бы, но не могу.

– Почему?

– Потому, что она живее всех живых.

– Не может быть! Ей в обед сто лет!

– Может, Кирюша, может. Ей 82 года, и она с удовольствием харчит своего зятя при каждом удобном случае.

– Бедняга. Ты его знаешь?

– Как самого себя.

– Кто этот несчастный?

– Я.

– Ты?!

– Собственной персоной. Сейчас она с моей женой и детьми уехала на дачу. Завтра на Голгофу еду я. Так, что, давай, выпьем за моё здоровье и целостность мозгов от языка тёщи.

Кирилл сочувственно кивнул головой. Выпили. Закусили кружочками ярко-жёлтого лимона. Помолчали, ожидая, пока коньяк удобно устроится в желудке. Через пару минут Кирилл спросил:

– Поясни подробнее историю с отцом.

Паша вздохнул и снова потянулся к «Арарату»:

– Собственно говоря, история не стоит выеденного яйца. С полгода назад я увидел мужчину очень похожего на твоего отца. Поздороваться не успел. Он вошёл в четвёртый подъезд дома напротив. Никаких мыслей по этому поводу у меня не возникло. Мало ли по какой надобности он зашёл в этот дом. Снова заметил его из своего окна через пару недель. Несколько раз видел Тараса Григорьевича в окне на третьем этаже. Подумал сразу о вашем переезде в наш околоток, и удивился: с какого хрена вы съехали из своих хором в наши развалюхи. Да не заморачивайся! Сейчас понимаю – я обознался. Давай махнём ещё по одной. За любовь!

Любовь понятие эфемерное, и где она живёт в теле человека, не понятно. Одни уверяют, мол, пристанище любви – душа. Другие настаивают – обитает любовь в сердце. Кирилл

точно знал – любовь постельный кровосос, и паразитирует на теле кошелька. Делиться с Пашей сокровенными знаниями о «любви», Задунайский не желал. Однако, тема «любви» породила у Кирилла новый вираж мысли:

– За любовь, так за любовь. Кстати, этот мужик, что похож на моего отца, может быть ходит к любовнице?

– Чёрт его знает. Я его за ноги не держал.

– Одинокие женщины в четвёртом подъезде живут?

– Кирюха, не задавай глупых вопросов. Все бабы одиноки от беременности до беременности. Если успела трусы натянуть, то хрен тебе под морду – по любому отопрётся: «Я» не «Я», и хата не моя. И, вообще, голый мужик в постели – специалист по уничтожению клопов. Он на себя их приманивает, и давит их, давит! А ты, глупышка, что подумал?! Как тебе такой пейзаж?

– Натуральный реализм. Всё же Паша, женщины постельного возраста там живут?

– Ну, ты достал меня! Не знаю я! Может он педофил, некроман или педераст. Отгадай тут к кому он шастает. Если тебе надо, ты и следи за ним. Мне этот мужик сто лет не нужен. За «любовь» мы пить будем?

– Лимончика подрежь.

Чокнулись. Дружно выпили. Пососали лимончик.

– Паша, а этот мужик, как часто появляется?

Киселёв тихо взвыл:

– Кирюха, отстань от меня. Не следил я за ним специально. По впечатлению, появляется среди недели пару раз.

– С бабой?

– Нет. С женщинами я его не видел.

– Значит, точно ходит к бабе. Приходящий муж называется.

– Не знаю.

– Чего тут знать-то! Если этот мужик мой отец, то, точняк, к какой-то бабе таскается. Они с матерью уже давно, как кошка с собакой живут.

– Что ты собираешься делать? Морду отцу рихтовать?

– Если это мой отец, то придумаю кое-что интереснее мордобития... Паш, ты говорил твои все на даче.

– Ну да. Завтра я к ним присоединяюсь.

– Паша, будь другом, разреши пожить у тебя. Хочу рассмотреть мужика, похожего на моего отца...

– Без проблем. Нас не будет ровно месяц. Цветы поливать, сосок в квартиру не таскать.

***

В прошлом у Кирилла было прекрасное будущее. Не случилось. Судьба лягнула копытом. Сейчас он спокоен и твёрд, как просроченный пряник. Он принял решение наживаться на чужих ошибках. Дед, зараза, не ко времени сыграл последний танец и успокоился в ящике. Папашкина гребля на галерах власти не давала результатов. О мамашке, вообще можно забыть. Она ничего не умеет и не хочет делать. Марксистский вывод из сложившейся ситуёвины неумолимо гласил: «Птица счастья пролетела мимо, и накакала на голову. Пришла пора брать за рога свою судьбу, и ставить её в стойло своих желаний».

Кирилл молил Бога, чтобы ныряющий в четвёртый подъезд, к неизвестной пока бабе, мужик оказался его отцом. В этом случае он тщательно собирает компру на отца для демонстрации её нужным людям. В первую очередь в эту категорию он записал руководителей отца,

прессу, мужа той бабы (если он у неё есть) и мамашку. Мать он поставил в конец списка, исходя из её возможностей. Она могла своим визгом поднять в ружьё всех силовиков города, и одним тихим телефонным звонком к старой подруге своей матери, уволить отца с выдачей ему «волчьего билета». Акт мщения за растрату по пустякам своей молодости она исполнит с радостью, не отвлекаясь от вялотекущего процесса поиска зазевавшегося муж-чины на должность отчима Кирилла.

Со временем мать выглядеть лучше не стала. Со спины, в мерцающем свете луны, она смотрелась старшекласницей-монголкой. Из за ног удобных для скачки на лошадях. В романтическом тумане, издали в профиль – на двадцать пять. Анфас её прекрасная морда, от смеси виски и неудовлетворённого желания, выдавала 50 трудно прожитых лет.

К поискам мамашки по эффективной замене отца, Кирилл относился скептически. Её не осуждал, но не надеялся заполучить в отчимы, в обозримом будущем, сколько-нибудь состоятельного мужчину. Правду торгаши говорят – мало знать себе цену, нужно пользоваться спросом.

Кирилл устал ждать милостей судьбы и решительно принялся за реализацию своих решений. Вооружился остатками былой дедовской роскоши – морской подзорной трубой и фоторужьём немецкой выделки с цейсовской оптикой, и стал обживать наблюдательный пункт в квартире Пашки.

Опыт частного сыска Кирилл не обладал. Кое-какие знания, полученные из криминального чтива, поспешил применить на практике. Задёрнул наглухо плотные шторы на окне, из которого чётко просматривался четвёртый подъезд дома напротив. В едва заметную щель выставил объективы подзорной трубы и фото-ружья. Принялся за наблюдение. Первый час прикладывался к окулярам каждые три минуты. Устали ноги и заломило плечи. Додумался притащить стул и продолжал каждые пять минут осматривать наружные пейзажи только через подзорную трубу.

Ничего замечательного не происходило. Железную дверь в четвёртый подъезд, похоже, просто заварили жители первого этажа, чтобы она своим грохотом не причиняла беспокойства. Впрочем, и в соседних подъездах никто не выходил и не входил. Унылую картину оживляла свара около мусоросборника кобелей, из за тощей патлатой сучки. Они выпячивали грудь, подымали шерсть на загривках, клацали белыми клыками и ходили кругами, выбирая время и место, для решительного броска.

«Ну, точно, как мужики в кабаке...», – успел подумать Кирилл. Словно в подтверждение его мысли, из за мусорного бака вынырнул хилый кобель, подзаборной наружности, и махнул сучке хвостом.

Сучка моментально согласилась на приглашение. Видимо, ей надели до чёртиков разборки маститых кобелей и она, радостная, скрылась за мусоросборником в надежде здесь и сейчас дополучить кусочек сучьего счастья от кобелька подзаборной наружности.

Вдруг с грохотом открылась дверь четвёртого подъезда, и кто-то вывалился наружу. Кирилл прильнул к подзорной трубе. В окуляре он увидел фейс жертвы пьяной акушерки. При рождении фейса на белый свет она раз пять уронила его о паркет лицом. Ни пола, ни возраста определить не удалось даже при разглядывании в упор. На морде лица чётко читался диагноз – алкогольное вчерашнее «пофиг» поменял на утреннее «нафиг». Головка бо-бо! Денежки тютю!

Жертва пьяной акушерки схватилась руками за голову, и по синусоиде удалась за мусоросборник с неизвестными целями. Толи порыгать на свежем воздухе, толи порадоваться чужому собачьему счастью.

Ещё через сорок минут ожидания железная дверь четвертого подъезда отчаянно взвизгнула и выпустила на улицу юное существо. Кирилл не ждал такой скорой удачи и кинулся к фото-ружью снимать прелестную девушку с уже дамскими формами. Без документов видно, что у неё вчера окончилось детство, и сразу началась беременность с извечными русскими вопросами: «Кто виноват?» «Что делать?»

Судя по тому, как юбка на полдевушке по самое «не балуйся» нахально залезала на её живот, обнажая остатки девичьих ног до того места, где они теряют своё приличное название. Аборт делать поздно, а выходить замуж ещё рано.

Кирилл лихорадочно щёлкал фоторужьём. Запечатлел фигуру беременной ученицы в фас, в профиль и в анфас. Крупно снял её лицо, на котором уже проступала печать судьбы: «Я не отличница, я – удовлетворительница!»

Был ли его отец змеем искусителем юной Евы и автором её беременности, Кирилл не знал, но надеялся на тайные струны педофилизма в душе Тараса Григорьевича. Такой вариант развития событий дарил бы в руки Кирилла неубиваемый расклад.

Не успел Кирилл вкусить всю прелесть первой удачи первого дня, как из подъезда вылезли на свежий воздух трое дедов. Последний день молодости они отмечали ещё при Советах. Все мы, конечно, начинки для гробов. Жизнь – заболевание абсолютно смертельное, и вопрос лишь во времени, когда ты станешь едой для червяков. Дедки же из за вредности загадочной русской души решили испортить статистику и прожить нахально ещё пяток лет, отпущенного Росстатом срока. Они не спеша, расположились на скамейке, и привычно раскинули «поляну».

Чудным образом из нутра дедков появилась бутылка с мутной жидкостью, нарезанное сало, кусочки чёрного хлеба и три складных стаканчика. Без резких движений, с опаской потрещивать ишиас, заработанный годами героического труда при строительстве светлого будущего, дедки с чувством, толком, расстановкой приступили к жёсткой расправе с бутылкой.

Неизвестно откуда, как из под земли, рядом с дедками вырос полицейский, и что-то сурово принялся им объяснять. Старики мужественно переносили наказания стража порядка. Потом, как по ко-манде, вскинули правые руки, и показали в сторону Северного Полюса.

«Правильно», – подумал Кирилл. – «Не говорите, что нужно делать, и вас не будут посылать туда, куда нужно идти». Кирилл ждал скандала и переживал за стариков. О полицейском он подумал слишком хорошо, а дедков недооценил. В конце концов бесстрашный полицейский тревожно огляделся, и согласно кивнул головой в казённом головном уборе. Тотчас в его правой руке проклюнулся стаканчик с мутной жидкостью, а в левой образовался чёрно-белый бутерброд. Неуловимым, но чётко отретпетированным движением руки, в долю секунды, он отправил в служебную пасть мутную жидкость из стаканчика и чёрно-белый бутерброд. Этой же рукой героический полицейский отдал честь старикам. Потом погрозил им пальцем, и ушёл в неизвестность для бескомпромиссной борьбы с отдельными недостатками в нашем здоровом обществе. Старики от всей души плюнули ему вслед, допили бутылку и разбрелись в разные стороны.

Следующий час прошёл без событий, если не считать появления патлатой сучки. Она, довольная жизнью, весело махая хвостом, выскочила из-за мусоросборника. За ней трусцой бежал один из маститых давешних кобелей. Победитель хромал на левую заднюю ногу, на боку его висел вырванный клочок шерсти, а морда выражала крайнюю степень полового нетерпения. Зря патлатая отвергла ухаживания маститого кобеля. Из дверей четвертого подъезда вышла грациозной поступью шикарная особа. Своим внешним видом она превращала тривиальный процесс утренней прогулки, в демонстрацию не нашей моды. Высокая, по спортивному подтянутая, с длинными рыжими волосами, на высоких ногах, с царственной походкой, она мгновенно

венно приковала к себе всеобщее внимание. Прохожие оглядывались, наслаждаясь красотой её тела и шелковистыми переливами её волос.

Маститый кобель замер, как вкопанный, прижал уши и, не обращая внимания на патлатую сучку, едва ли не ползком направился к красотке.

Хозяйка афганской борзой заметила поползновения неизвестного, беспаспортного кобеля, и решительно их пресекла. Она прицельно метнула в него подвернувшийся кусок кирпича. Досталось по хребтине. Со скользом. Не так больно, как обидно. И патлатая сучка убежала, и «афганка» не досталась.

«Всё, как у людей». – Подумал Кирилл. – «Мечтаешь о вине и женщине, а получаешь бабу и водку».

Хозяйка прекрасной афганской борзой – королева красоты на пенсии. Когда-то она круглосуточно была красивой женщиной, но со временем её прелести истёрлись о чужие семейные простыни. Костюм из собственной кожи поизносился, обвис на усохшем теле и покрылся морщинами. Причёска напоминала парик, основательно побитый молью. Золотые свидетели её многотрудного постельного прошлого, блистали в обвисших ушах и на всех десяти морщинистых пальцах.

Афганская борзая смотрелась эффектной и свежее своей хозяйки.

Кирилл сфотографировал их обеих. Поводом послужила собака. Потом он подумал: «Судя по украшениям, бабулька не бедствует. Вполне возможен вариант, что любимый папочка, в расчёте на наследство, решил утешить дамочку постбальзаковского возраста. Надо выяснить в какой квартире и с кем живёт эта бывшая в употреблении королева красоты».

Время неумолимо, без надежды на возврат, проваливалось в историю. Секунда за секундой, минута за минутой. Ничего интересного в районе четвёртого подъезда не происходило. По крайней мере, того, что можно связать как-то с Тарасом Григорьевичем. Собаки, кошки, крысы, голуби более не привлекали внимания Кирилла. Постепенно до него дошли три вещи. Первая – желудок не чужой. Время обеденное, и он жрать хочет. Второе – необходимо составить список возможных желаний отца с указанием пола и возраста.

Третье – установить, кому принадлежит квартира на третьем этаже, в окнах которой Пашка несколько раз видел мужика, похожего на отца.

Кирилл сходил на кухню. Приготовил себе четыре упитанных бутерброда с ветчиной, прихватил пакет с томатным соком. Вернулся на наблюдательный пост. Размышлять на сытый желудок стало легче и веселей.

«Вариант первый». – думал Кирилл. – «Квартира на третьем этаже принадлежит пассивности отца. Он для утешения тела и души, раз-два в неделю радуется её своими визитами. Вопрос – почему ни Пашка, ни я не заметили, ни в окне, ни на балконе женской фигуры или хотя бы какую-нибудь бабскую тряпку вывешенную для просушки?»

Вариант второй. Отец специально арендовал квартиру для встреч без галстуков и трусов, с серьёзными дамами облегченного поведения. Дама может оказаться соседкой. Если это так, то она, наверняка, замужем и стесняется при живом муже приводить любовника в дом. Что тут сказать? Вежливая женщина. Бережёт нервы мужа. С другой стороны – зачем снимать квартиру рядом с любовницей? Больше шансов спалиться. Если не муж, то соседский любознательный глаз, как ни шифруйся, всё равно высмотрит кто, как, когда и с кем спит.

Скорей всего, любимый папашка квартиру снял для тайной индивидуальной подготовки к сдаче норм ГТО. Тренируется по комплексной программе «Камасутра» с привлечением в спарринг-партнёры одноразовых девушек по твёрдой таксе.

Разве у отца не может быть постоянной любовницы?

Нет, отец неудачник, но не инвалид ума. Он клерк средней руки, жмот, скряга, подкаблучник. При этом он понимает – любовницы нынче дороги, капризны и все шизанутые на идее затащить любовника в ЗАГС.

Отцу это надо?

Он семейной жизни с мамашкой, нахлебался до одури. Он, скорее хрен на пятаки порубает, чем снова даст заковать себя в сети Гименея. Значит, отец приходит на снятую квартиру и ждёт труженицу любви. Та приходит, и в полном одиночестве заходит в четвёртый подъезд. Причём, каждый раз разная...

Как, скажите на милость, установить через морскую подзорную трубу, что именно эта бабечка идёт на случку с отцом, а не забежала в четвёртый подъезд в качестве врача по вызову? Не проводить же, действительно, допросы с пристрастием всех лиц женского пола с 13 до 80 лет, зашедших в этот грёбаный подъезд.

Потом, почему только баб? Пашка, по пьяне, но вполне здраво намекнул на возможную нетрадиционную ориентацию отца. Нет, принятый способ наблюдения не годится. При его помощи можно установить факт, что мужик, похожий на отца действительно его отец или нет. Если, допустим, мужик окажется его отцом, что дальше? С кем и чем он занимается в квартире на 3 этаже? Это главный вопрос, и ответ на него нужен убойный. Желательно, в виде порноклипа в исполнении Тараса Григорьевича Задунайского и супруги...».

В этом месте Кирилл размечтался. На должности жены – изменщицы ему виделась сначала супруга губернатора, потом жена областного прокурора. Не плохо бы захватить в кадр голую задницу народной избранницы...

Неизвестно, куда взлетела бы фантазия Кирилла, но сытные бутики с ветчиной устроили подвох, и незаметно увлекли его в царство Морфея. Кирилл проспал около двух часов. Сон оказался сладкий, глубокий, без сновидений. Когда Кирилл проснулся, то с ужасом понял – задачу по слежке за мужчиной, похожим на отца, он с позором и треском провалил.

Пока он спал, можно было провести в квартиру на третьем этаже роту проституток, дюжину голубых пару трансвеститов и осуществить сеанс радиосвязи с забугорным разведцентром.

Как сделать наблюдение непрерывным?

Мозги, освежённые сном, выдали чёткий ответ: «Нужно установить видеокамеру». Круглосуточная запись не даст шанс неизвестному мужчине, похожему на родного отца, проскочить неопознанным в четвёртый подъезд. У Кирилла же освободится время для оперативной слежки за отцом. Вдруг он, вне службы, похищает маленьких деток на органы, и в квартире на третьем этаже устроил анатомический театр с холодильниками? А, если проданся врагам и торгует в розницу секретами нашей Родины в явочной квартире в четвёртом подъезде? Или того хуже – под предлогом последнего в жизни незабываемого секса, заманивает одиноких старушек, и совершает над ними действия не сексуального характера по отъёму пенсий и жилплощади

***

Наука геронтология не знает, почему позднее всех стареет задница. В ней до пенсии детство играет.

Соломончик, с мальчишеским азартом, следил за Тарасом Григорьевичем Задунайским. Весомых результатов слежка не давала, кроме обнаружения мелкого мздоимства.

Этот факт из жизни клерка средней руки Соломончика не удивил. Вся страна дарит знаки благодарности медработникам и учителям. Сердобольные у нас люди. Готовы поделиться с нищими последним. Это милостыня, а не преступление.

То, что Тарас Григорьевич не враг и не подонок, роли не играло. У нас хватает бюджетников, еле сводящих концы с концами. Подающих милостыню – мало, а нищих выше крыши. С другой стороны, чего возмущаться социальным неравенством? Толку всё одно, нет. Лучше ратовать за то, чем больше жратвы у богатеев, тем сытнее объедки у бедняков. Всё равно, желание народа жить лучше, упирается в стену воровства чиновников. Такая вот историческая традиция государства Российского.

Задунайский вором не был, и стать им не мог. Не из-за моральных убеждений или трусости. Её, вместе с моралью он, в конце концов, победил регулярным мелким мздоимством и лёгким испугом тех, кто под бодрые речи борьбы с коррупцией, упёр миллиарды народных денег. Причина крылась в другом. Тарас Григорьевич, в силу служебных обязанностей, лишён возможности воровать бюджетный пирог. Не целиком, ни кусочками. Жаль. Всё равно разворуют, но только без него. Такая несправедливость подтолкнула господина Задунайского к мысли об эмиграции из страны белых берёз и военных революций, в бунгало на острове Бали. За чередой малюсеньких радостей и больших неприятностей, незаметно жизнь вышла на финишную прямую. Пора её остаток превращать в одну большую приятность.

О том, какие мысли бродят в голове соседа через стенку, Соломончик не знал. В один из дней слежки он отметил, что Задунайский изменился. Плечи у него развернулись, живот подтянулся, шаг стал шире, глаза загорелись тайным знанием.

«Что-то произошло». – мудро решил Соломончик. – «Либо нечаянный гешефт, либо жена померла». Других причин для радости у Тараса Григорьевича бедный портной не предполагал.

Вскоре Соломончик выяснил – супруга Задунайского жива и здорова. «Значит, сосед сорвал приличный гешефт». – Сделал вывод Соломончик, и в этот же день нашёл ему подтверждение. Косвенное, но всё же. За Тарасом Григорьевичем обнаружилась ещё одна слежка. За ним следил его сын Кирилл.

Соломончик впал в ступор. «Зачем сыну следить за отцом, если они проживают в одной квартире?» – недоумевал бедный портной.

Среди евреев дураков нет. Это исторический факт, но Соломончик о нём не знал. Поэтому он потратил неделю на слежку за Кириллом, который следил за своим отцом. В результате получил мозоль на пятке правой ноги и установил, что Кирилл наблюдает за квартирой отца через три объектива, в щели между шторами в окне третьего этажа дома напротив.

Бедный портной пришёл в ужас. Интересно, а вы, что бы подумали при виде трёх окуляров, нацеленных сыном на отца?

По любому один из трёх – линза оптического прицела.

Или у Кирилла прорезался третий глаз?

Ясно, как божий день, он замыслил отцеубийство. Но, почему? Ненависть? Не смешите мои нервы! Люди годами, поколениями не могут видеть друг друга и ничего. Обходятся слабительным в борщ. На крайний случай анонимку, куда следует, оформят.

Соломончик взглянул на проблему шире: «Если это не ненависть, то точно наследство. Откуда у Тараса Григорьевича появились средства, ради которых сын готовится уконтропупить папочку? К тому же, у будущего покойника прямая наследница супруга. Неужели сын готов ради денег отправить на тот свет и мамочку?»

Может, он её уже убил?

Соломончик старый человек. Нервы у него тонкие. Не от природы и не от национальной особенности. Они просто поизносились от долгого времени их употребления по всякому поводу.

Мысль, что Кирилл уже совершил убийство наследницы первой очереди, не давала Соломончику покоя. Не совладав с разгулявшейся фантазией, он позвонил на квартиру Задунайским. На звонок никто не отвечал. Картины злодейства, одна мрачней другой, представлялись перед внутренним взором бедного портного.

***

Ольга Михайловна Задунайская ловила жеребца для создания новой семьи. Долго выбирала, приценивалась, примерялась и решительно захлестнула аркан своих желаний на шею своего семейного врача – Бориса Ивановича Сахарова.

В далёкой юности Боря отзывался на фамилию Цукерман, и чтил своего папу Моисея Израилевича. Неизвестно, по какой причине, папа Бори пошептался с дедушкой Бори – Израилем Мееровичем. И они, после обрезания крайней Бориной плоти, перекрестили сына и внука в Бориса Ивановича Сахарова.

Объяснили Боре, что у него от этого меньше будет болеть голова. Таки старшие оказались кругом правы. Было бы ещё меньше головняков, если в детстве вместе с крайней плотью, отхватили бы кусочек носа.

С другой стороны посмотреть всё получилось чудненько. Среди юдофобов Боря щеголял фамилией «Сахаров», и подозрительно быстро привык отзываться на окрик «Иваныч».

В кругу своих он гордо демонстрировал фамильную гордость – свой нос и, лишённый крыши, пенис.

Жениться Борису Ивановичу не удалось. Русские кандидатки в супруги быстро распознавали в нём лицо Тель-Авивской национальности снизу, прикрытое русским паспортом сверху и дипломом врача с нищенской зарплатой.

Вам лично нужен нахлебник в семье с самой гуманной специальностью в мире?

Нет?

Вот и я говорю – русские женщины бесбашенные, но не настолько.

Девушки еврейки, вообще, не желали иметь даже мимолётного знакомства с евреем выкрестом.

Перебивался Борис Иванович случайными половыми связями до 55 лет, пока не попал в семейные врачи к Ольге Михайловне Задунайской.

К моменту их знакомства Борис Иванович уже походил на двуногую собаку породы шарпей. Лицо и тело господина врача представляли собой грудку разных складок – от маленьких под глазами, до величественных на животе. Зато сверху блестела чудная, гладкая, без единой морщинки лысина. В ней с успехом отражались солнце, огни рекламы, лунный свет, светофоры и, главное, глаза Ольги Михайловны.

Первый раз Ольга Михайловна увидела отражение своих глаз в зеркальной лысине Бориса Ивановича в знаменательный для себя день.

Утро для неё в этот день началось скверно. Пришла жара с духотой и боль в пояснице. Потом начались стреляющие боли в грудном отделе позвоночника, заныли плечи, потянуло правое бедро.

К обеду вызвала семейного врача для массажа позвоночника, плеч и бедра. Борис Иванович ввалился к ней в спальню потный и задыхающийся от жары

– Простите за вид, Ольга Михайловна. – Сказал доктор. – На улице пекло. Наверное, больше сорока. Что с вами?

Задунайская, забывшая здоровый мужской дух, брезгливо поморщилась и телеграфно изложила свои жалобы.

Борис Иванович заметил гримасу Ольги Михайловны и поспешил извиниться.

– Ради Бога, простите! Виновата проклятая жара. Разрешите принять душ. После мы разберёмся с вашими болячками.

– Конечно, конечно! Одежду оставьте в ванной. Пусть она просохнет от пота. Пока наденьте халат Тараса Григорьевича, он вам как раз в пору.

– Ольга Михайловна, я мигом! Пока споласкиваюсь, вы раздевайтесь. Будем делать сначала общий массаж тела, затем хорошенько промнём проблемные зоны, закончим классическим успокаивающим.

– Как раздеваться?

– Голубушка, снимайте всё, под чем болит.

Доктор, тряся складками, удалился в сторону ванной. Ольга Михайловна прислушалась к организму и поняла – у неё болит всё и везде.

Быстро сняла всю одежду. Подсознательно, без злого умысла, сбрызнула французским дезодорантом интимные места. Мазнула слегка за ушками «Шанель №5», и легла в чём мать родила на кровать, с целью принимать сеанс массажа.

Борис Иванович задерживался в ванной. Он решал проблему: выходить из ванной для выполнения врачебного долга, в трусах или без них. Трусы пахли потом. Без них медицинская процедура переходила в статус ролевой игры. И потом, может произойти форменный конфуз.

Известное дело – мужик члену не хозяин. Он у него живёт по своему графику. Когда хочет – встаёт, когда хочет – ложится. Вернее так – встаёт не к месту, ложится не вовремя. Тем более член у еврея. Он у него, вообще, без крыши.

Борис Иванович не появлялся. Ольга Михайловна решила перед сеансом принять холоденького шампанского. Встала, накинула на плечи лёгкий шёлковый халат, и пошла на кухню. Ждать доктора в компании с игристым напитком веселее, и время летит быстрее. Не успела Ольга Михайловна допить второй стакан шампанского, как услышала, что дверь в ванной отчётливо хлопнула.

– Борис Иванович! – крикнула Ольга Михайловна. – Я на кухне. Иди-те ко мне. Освежусь шампанским.

В дверях появилась фигура Сахарова. Шелковый китайский халат Тараса Григорьевича оказался чуть маловат в районе живота. Трудовая мозоль доктора нахально выпирала наружу, грозя распахнуть полы халата. Придерживая их рукой, Борис Иванович скромно сел на край стула напротив хозяйки.

– Борис Иванович. – обратилась Ольга Михайловна к доктору. – Я думаю, холодное шампанское массажу не помешает, а от жары спасёт. Наливайте. Не стесняйтесь.

Сахаров сконфузился, замешкался. Одной рукой держал полы халата, и опасался, как бы незваный гость не высунул свою обрезанную башку наружу.

– Кто из нас мужчина? – продолжала хозяйка. – Поухаживайте за женщиной. Сейчас охладимся шампанским, и я лягу в кровать. Снова стану пациенткой, а пока я дама и хочу шампанского. Кстати смените бутылку. В холодильнике есть замечательное холодное шампанское.

В холодильнике притаилась не одна, а две бутылки холодного полусладкого напитка...

Действие алкоголя не зависит от благородства происхождения ни напитка, ни пьющего его. Оно многогранно, многообразно и неожиданно.

При кончине второй бутылки холодного шампанского присутствовали те же лица – доктор со своей пациенткой.

Борис Иванович, ей Богу, без умысла, всё чаще забывал придерживать рукой полы халата. Они нахально разлетались, и взгляд Ольги Михайловны невольно обращался в темноту подхалатного пространства. Она интуитивно искала средство от хронической неудовлетворённости, и нашла его. Но сначала она увидела отражение своих глаз в блестящей лысине Сахарова. Было ли это игрой солнца или шампанского, неизвестно, но факт остаётся фактом. Ольга Михайловна, увидев своё отражение в лысине Бориса Ивановича, не удивилась. Она подумала: «Это судьба!» и вслух сказала:

– И-ик! Борюсик! Ещё шампанского и в койку! Без массажа я тебя не выпущу.

Новое имя «Борюсик» доктору понравилось. Он внимательно посмотрел на Ольгу Михайловну, и рассмотрел в ней, если не красавицу, то точно весьма привлекательную даму. Ноги у неё ниже колен волшебным образом выпрямились, а выше, манили доступной обнажённостью. Разнузданные груди шарахались под тонким шёлковым халатом из стороны в сторону, лицо пылало ярким девичьим румянцем и желанием заполучить массаж. Седалище Ольги Михайловны с годами не усохло. Оно едва помещалось на стуле, выходя за его периметр тремя упругими на вид складками.

Желание женщины, закон для мужчины, тем более, если она – работодательница.

«Шампан стаканского» незамедлительно был подан, массаж исполнен. Ольга Михайловна со своей кошёлкой неудовлетворённости измяла «Борюсика» до синяков, а сама едва не получила перелом шейки бедра.

Слава Богу, всё окончилось благополучно. Без членовредительства и без претензий. С того памятного сеанса массажа прошло семь месяцев. Ольга Михайловна по предварительному сговору с Борисом Ивановичем раз в неделю предавались пороку страсти на супружеском ложе четы Задунайских.

Ольга Михайловна, с розовожопого сопливого детства, слыла у окружающих за очень умную девочку. Представьте себе, она знала к концу седьмого класса разницу между фрикцией и фикцией. Это дано не каждому женскому мозгу в школьные годы. Некоторые уходят на заслуженный отдых, так и не узнав разницы.

Чтобы фрикции не обернулись фикцией, Ольга Михайловна принялась, по методу великого русского учёного Павлова, вырабатывать у Бориса Ивановича условный рефлекс на вкусную и здоровую пищу. После каждого соития она своего «Борюсика» приглашала отведать очередной кулинарный шедевр. Борис Иванович без домашних женских рук воспитывался дикой цивилизацией пельменей. Любое другое кушанье для него подарок судьбы.

Ольга Михайловна серьёзным опытом мужеловства не обладала, но из бабских разговоров знала, что холостые мужчины слетаются на запах здоровой, вкусной пищи, и там их нужно ловить.

Самые нетерпеливые из них женщины пытаются сразу отловить среди них себе кандидатов в мужья. Иногда удаётся.

Самые умные прикармливают прилетающих голодных одиноких самцов к определённому месту и времени кормёжки.

Со временем у них формируется в голове условный рефлекс, как у городских голубей. Если не торопиться и продолжать их прикармливать, то вскоре они будут кушать с руки, а там

и без особого страха заполучить стресс, они спокойно пойдут вам в руки. Их можно уносить в свою голубятню, и без боязни выпускать наружу.

К условленному часу у них проснётся рефлекс жратвы, и они снова будут у ваших ног.

Борис Иванович на городского голубя не походил, но с выработкой условного рефлекса у него было всё в порядке. Слюнотечение на кормёжку у него начиналось раньше, чем оргазм.

«Пришло время накидывать на „Борюсика“ аркан своих желаний». – Подумала Ольга Михайловна, и решила сразу, после сеанса в постельных тонах, приступить к решительному разговору.

Нахальный телефонный звонок прозвучал дерзко и не ко времени. Фрикции грозились превратиться в фикции.

– Чёрт! – выругалась в сердцах Ольга Михайловна. – Какая скотина на горло песне наступает!

Одновременно «чёртом» и «скотиной» был Соломончик. Он, в большой тревоге за жизнь Ольги Михайловны, звонил без результата на квартиру господ Задунайских.

***

Слежка за отцом заставила Кирилла внимательно в него взглядеться, и он с удивлением обнаружил в нём ряд необъяснимых изменений. На работе он всё так же оставался серой канцелярской крысой, без претензий и намёков на подковерную борьбу.

После службы Тарас Григорьевич выходил на улицу, и его сутулая фигура, по мере отдаления от служебного входа, расправлялась, приобретала черты монументальности и значимости. Шаги из мелких и заискивающих становились широкими, поступь наливалась твёрдостью и мужественностью. Подбородок вздымался к зениту. В глазах зарождался стальной блеск. В эти минуты Тарас Григорьевич любил сам себя и с тайным восхищением любовался своим отражением в зеркальных витринах магазинов.

Кирилл не мог понять причин волшебных превращений отца из заурядного клерка в уверенного в себе мужчину. Теперь он понимал Пашку Киселёва, решившего, что он обозначился и принял за Тараса Григорьевича совершенно другого человека. Немудрено, с такими метаморфозами «из лягушки в царевну». Слежку за отцом Кирилл усилил, и буквально сопровождал его с риском попасть ему на глаза.

Заканчивалась вторая неделя наблюдения. Тарас Григорьевич не сделал ни шагу к таинственной квартире в четвёртом подъезде. Кирилл проверил записи на видеокамере. Пусто. На ней мелькали все, кто угодно, но только мужик, похожий на отца не появлялся. Оставалось одно – ждать в кадре отца, либо того, кто ввёл в заблуждение Пашку.

В душе Кирилла поселился червь сомнения. Может отец, вообще, ни при чём – так, пятая нога у собаки, а волшебные превращения связаны не с бабой.

Может быть, отец прознал про шашни Ольги Михайловны с Борисом Ивановичем, и радуется скорому разводу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.